

Безенова М.П.^{1,2}

Диалектная основа одного из удмуртских переводов Евангелия от Луки начала XIX в.

¹Удмуртский институт истории, языка и литературы
(Россия, Ижевск)

²Институт системного программирования им. В.П. Иванникова РАН
(Россия, Москва)

doi: 10.18411/trnio-05-2023-187

Аннотация

В статье рассматриваются фонетико-морфологические особенности одного из удмуртских переводов Евангелия от Луки начала XIX в. Источниковой базой исследования послужил корпус рукописного текста «Отъ Луки Святое Благовѣствованіе» на удмуртском языке, который хранится в Российском государственном историческом архиве. Цель исследования – выявить диалектную основу письменного источника. В качестве основных методов работы выступили описательный и сопоставительный. В результате анализа в тексте рукописи были обнаружены диалектные особенности, характерные для говоров северного наречия удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, памятники письменности, Евангелия, фонетические особенности, морфологические особенности, диалекты удмуртского языка.

Abstract

The article discusses the phonetic and morphological features of one of the Udmurt translations of the Gospel of St. Luke's of the early XIX century. The source base of the research is the corpus of the handwritten text "St. Luke's Holy Gospel" in the Udmurt language, which is stored in the Russian State Historical Archive. The purpose of the study is to identify the dialect basis of the written source. The main methods of the research are descriptive and comparative. As a result of the analysis, the features characteristic of the northern Udmurt dialects were found in the text of the manuscript.

Keywords: the Udmurt language, written record, Gospels, phonetic features, morphological features, Udmurt dialects.

На сегодняшний день известно о двух переводах Евангелия от Луки на удмуртский язык начала XIX в. Оба варианта не были опубликованы, хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 94, оп. 1, д. 245, 31 л.) и в Российском государственном историческом архиве (ф. 808, оп. 1, 1821 г., д. 177). Статья посвящена описанию языковых особенностей рукописи из РГИА, которая ранее еще не становилась объектом лингвистических исследований.

Относительно диалектной принадлежности рассматриваемого письменного источника сегодня существуют разные точки зрения. Так по мнению Б. И. Каракулова, «в основе перевода – северное наречие, имеются исправления наддиалектного плана» [1, с. 127]. Согласно материалам П. Н. Луппова [2], над переводом Евангелия от Луки в начале XIX в. работали священники Елабужского уезда Иоанн Анисимов и Стефан Красноперов, т. е. текст был переведен «по Елабужскому нарѣчію; только при перепискѣ былъ введенъ переводъ нѣкоторыхъ выражений и по Глазовскому нарѣчію» [2, с. 11]. Действительно, для текста анализируемой рукописи характерны небольшие вставки в квадратных скобках с пометами *глаз. / глазов. / глазовск.* (глазовское наречие). При этом количество таких элементов в переводе постепенно сокращается, и уже с седьмой главы они не встречаются. Любопытно, что после введения того или иного глазовского варианта в текст дальше используется именно эта форма из квадратных скобок, а не основная.

Опыт описания удмуртских письменных памятников XIX в. показывает, что для определения их диалектной принадлежности не обязательно сравнивать языковые особенности

того или иного источника с письменным памятником того же периода, диалектная основа которого эксплицитно указана. Сопоставление письменных источников с современными диалектами также дает достоверный результат, но при этом следует помнить, что принадлежность памятников к тому или иному диалекту определяется набором общих инноваций, а не сохранившихся архаизмов. Поэтому при рассмотрении языковых особенностей письменных источников, важно классифицировать, какие из них являются инновациями, а какие – архаизмами, сохранившимися от праязыка.

Стоит также отметить, что при описании фонетики и морфологии письменных источников необходимо учитывать их графику и орфографию. С этой точки зрения анализируемый памятник схож с другим вариантом перевода, который хранится в СПбФ АРАН. Графико-орфографическое своеобразие этой рукописи подробно описано в работе Л. М. Ившина [3].

Итак, на уровне фонетики в тексте перевода встречается ряд диалектных особенностей, которые в первую очередь характерны для современных северноудмуртских говоров [4, с. 120, 122, 134–135, 138] (ниже после языковых примеров в круглых скобках приводятся ссылки на источник в формате (номер главы: номер стиха / стихов)):

- 1) употребление в анлауте билабиального сонанта *ў* (графически **ув**) перед гласной *а*: *ува́лесь* ‘кровать’ (5: 18), *ува́ськíзы* ‘они спустились’ (9: 37), *уватыны* ‘хоронить’ (8: 47) и др.;
- 2) употребление в инлауте аффрикаты *ч* (графически **ч**) перед согласной *к*: *лучкёмь* ‘тайно’ (2: 52), *увачка́ла* ‘древний’ (9: 8, 19), *чочкы́ть* ‘ровный’ (3: 5) и др.;
- 3) сохранение твердого характера согласной *н* после переднерядной гласной *и*: *и́нь* ‘небо’ (10: 20), *ки́нь* ‘кто’ (5: 21), *синмысты́дь* ‘из твоих глаз’ (6: 42) и др.;
- 4) функционирование форм с ударением на первом слоге показателя порядковых числительных *-эти*: *дась витэ́ти* ‘пятнадцатый’ (3: 1), *кватэ́ти* ‘шестой’ (1: 36), *тямысэ́ти* ‘восьмой’ (1: 59) и др.;
- 5) употребление глагольных форм, оканчивающихся на личные показатели *-мы*, *-ды*, *-зы*, с ударением на слоге, предшествующем этим маркерам: *каро́мы* ‘мы сделаем’ (3: 10), *кутскíзы* ‘они начали’ (1: 1), *юисько́ды* ‘вы пьете’ (5: 30) и др. (встречаются формы-исключения с ударением на последнем слоге, ср. *курадзимы́* ‘мы страдали’ (2: 48), *лыктызы́* ‘они пришли’ (1: 59), *пони́зы* ‘они положили’ (1: 66) и др.).

Однако все эти фонетические явления архаичны по своему происхождению, т. е. унаследованы от праудмуртского языка [5, с. 33, 40; 6, с. 85, 107], поэтому на их основе мы не можем с уверенностью судить о диалектной принадлежности письменного памятника.

На уровне морфологии в тексте рукописи также можно выделить ряд диалектных особенностей:

- 1) оформление форм множественного числа имен существительных от основ с конечной гласной маркером *-йос* (графически **-йось**): *адя́ми-йось* ‘люди’ (1: 25), *кы́шнò-йось* ‘женщины’ (1: 28), *пи-йось* ‘сыновья’ (3: 7) и др.;
- 2) употребление лично-притяжательных маркеров с *и*-овой огласовкой в словах, обозначающих термины ближайшего родства: *ай́дь* ‘твой отец’ (2: 48), *ай́зь* ‘его отец’ (1: 67), *муми́зь* ‘его мать’ (2: 51) и др. (исключения: *ата-э́зь-лэ́сь* ‘у его отца’ (1: 32), *мумиэ́дь* ‘твоя мать’ (8: 20), *мумы-э́зь* ‘его мать’ (1:43));
- 3) маркировка аккузативных форм множественного числа простого склонения показателем *-ты*: *селькы́осъты́* ‘грехи’ (7: 48);

- 4) образование сравнительной степени прилагательных с помощью суффиксов -гесь и -гемь: *капчигэсь* 'легче' (5: 23), *покчй-гемь* 'младше' (9: 48), *умой-гемь* 'лучше' (5: 39) и др.;
- 5) маркировка возвратного залога от глаголов I спряжения (с конечным -ты- основы) суффиксом -ск(ы)-: *беректскыса* 'обернувшись' (7: 9), *велдскэ* 'распространяется' (5: 15), *вордскдзь* 'родится' (1: 31) и др.;
- 6) оформление деепричастий с временным значением показателем -ку(-): *улыкузь* 'когда он жил' (2: 6) (исключения: *веракызь* 'когда он говорил' (8: 49), *утикызь* 'когда он охранял' (2: 2)).

Все эти особенности в той или иной степени также встречаются в современных говорах северного наречия удмуртского языка [4, с. 163–164, 170, 182, 199, 327, 348], при этом три явления из шести перечисленных (пп. 2, 5, 6) являются инновационными по своему происхождению. Так посессивные суффиксы с и-овой огласовкой, которые используются сейчас лишь с несколькими лексемами, обозначающими термины ближайшего родства (айы 'отец', мумы 'мать, мама', бубы 'отец'), вероятно, восходят к уменьшительно-ласкательному суффиксу [7, с. 211]. Показатель возвратного залога -ск(ы)-, который употребляется с глаголами I спряжения с конечным -ты- основы, по мнению исследователей, возник из первоначального варианта -ыс'к(ы)- в результате выпадения гласной и утраты палатального характера согласной с [4, с. 327]. Показатель деепричастий с временным значением -ку, по всей вероятности, возник из формы на -кы по аналогии с вопросительным словом ку? 'когда' [6, с. 160].

Стоит отметить, что выявленные инновации характерны исключительно для севернoudмуртских говоров. На основе этого, согласившись с мнением Б. И. Каракулова, мы можем сказать, что диалектной основой памятника, скорее всего, является северное наречие. Однако сведения П. Н. Луппова, на наш взгляд, тоже могут быть правдивы. Не исключено, что над переводом Евангелия изначально работали священники из Елабужского уезда, т. е. памятник должен был быть подготовлен на южнoudмуртском говоре. Однако в дальнейшем перевод, вероятно, был серьезно переработан, в результате чего конечный вариант получил черты северного наречия. На наш взгляд, этим можно объяснить и многочисленные исключения, встречающиеся в тексте рукописи.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-1631.2022.2.

***

1. Каракулов Б.И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI даурьёс = История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 208 с.
2. Луппов П.Н. О первых вотских переводах источников христианского просвещения: Очерк из истории инородческих переводов. – Казань: Центральная Типография, 1905. – 25 с.
3. Ившин Л.М. Рукописное Евангелие от Луки на удмуртском языке: графико-орфографический анализ // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2011. – Вып. 3. – С. 30–37.
4. Карпова Л.Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. – Ижевск: МарШак, 2020. – 563 с.
5. Кельмаков В.К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. – 58 с.
6. Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. – 2-е изд. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2006. – 386 с.
7. Максимов С.А. Комментарии к картам: «Мать», «Обращение к матери», «Бабушка – мать отца», «Бабушка – мать матери», «Отец», «Обращение к отцу», «Дедушка – отец отца», «Дедушка – отец матери», «Отчим» // Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. – Вып. 3. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотичная динамика», 2013. – С. 204–258.